

На правах рукописи

Сафронов Евгений Валериевич

**РАССКАЗЫ ОБ ИНОМИРНЫХ СЛОВИДЕНИЯХ В КОНТЕКСТЕ
РУССКОЙ НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЫ**

Специальность – 10.01.09 «Фольклористика»

**Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Ульяновск, 2008

Работа выполнена на кафедре литературы Ульяновского государственного педагогического университета

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор **Чередникова Маина Павловна**

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор **Кляус Владимир Леонидович**
кандидат филологических наук **Ахметова Мария Вячеславовна**

Ведущая организация:

Институт славяноведения Российской академии наук

Защита состоится «23» октября 2008 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета КМ 212.276.02 при Ульяновском государственном педагогическом университете по адресу: 432700, г. Ульяновск, пл. им. 100-летия Ленина, 4.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ульяновского государственного педагогического университета.

Автореферат разослан « » _____ 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
доцент

М.Ю. Кузьмина

Общая характеристика работы

Рассказывание сновидений (dream-telling) – обычная составляющая повседневной коммуникативной практики в современной культуре. Dream-telling и результаты этого акта – рассказы о снах – в настоящее время активно изучаются целым комплексом наук – от сомнологии и психологии до культурной антропологии и семиотики. В фольклористике штудии подобного рода относительно «недавнее явление» (А. Кайвола-Брегенхой).

Основной **объект** данного исследования – рассказы об иномирных снах, рассматриваемые в контексте жанров русской сказочной прозы. Под рассказами об иномирных снах понимаются тексты, сюжетообразующим мотивом которых является мотив контакта с представителем инобытия.

Предметом работы является ряд релевантных признаков, формирующих жанровую и текстовую модели исследуемых рассказов. Описание важнейших составляющих указанных моделей – одна из главных **целей** данной работы.

Задачи исследования

Сформулированная цель предполагает решение следующих основных задач:

1. Рассмотреть нарративы о снах на основе критериев, служащих для разграничения текстов сказочной и сказочной прозы (достоверность / недостоверность, пространственная и временная приуроченность, тип героя и т.д.);
2. Предложить систематизацию рассказов об иномирных сновидениях на основе их структурно-семантического и мотивно-образного анализа;
3. Сопоставить иномирные сновидения с родственными им текстами других визионерских жанров (обмираниями и видениями);
4. Рассмотреть ситуации, в которых происходит актуализация dream-telling.

В реферируемой работе главный акцент сделан на анализе вербальных описаний сновидений, что позволяет отвлечься от многих не проясненных до сих пор вопросов, связанных с психофизиологическим и философским изучением феномена сновидений и сосредоточиться на рассказе о сне как объекте фольклористики. Именно такой подход обуславливает **актуальность** настоящего исследования, по-

скольку важная проблема анализа жанровой природы нарративов о снах относится к числу недостаточно разработанных.

Новизна диссертационного исследования состоит в том, что в работе впервые осуществляется целостный анализ и дифференциация различных типов нарративов о снах и, соответственно, определяются четкие критерии этой дифференциации. В представленной работе в научный оборот вводится большой корпус нового материала, не всегда соответствующего привычной парадигме фольклористики. В связи с этим в исследовании впервые проводится и обосновывается разграничение рассказов о сновидениях по критериям фольклорности / нефольклорности.

Материалы исследования

Основной материал диссертации – рассказы о снах, записанные в процессе экспедиционной работы в период с 1993 по 2008 г., – имеет выраженный региональный характер: около 90 % всех текстов зафиксировано на территории Ульяновской области – как в городе (около 45 % текстов), так и в сельской местности (около 55%). Всего учтено более 700 рассказов.

Тексты других жанров, используемые для сопоставительного анализа с рассказами об иномирных снах (былички / бывальщины, устные и рукописно-книжные видения / обмирания, легенды, духовные стихи, апокрифы и т.д.), опубликованы в научных изданиях XIX-XXI вв., а также записаны во время фольклорно-этнографических экспедиций Ульяновского педуниверситета.

При сборе полевых материалов применялись методы интервьюирования и включенного наблюдения.

Методы исследования

Методологической основой исследования послужили основные принципы структурно-семантического анализа, отраженные в трудах Ю.М. Лотмана, Е.М. Мелетинского, С.Ю. Неклюдова, Б.Я. Кербелите, Е.С. Новик и др. Кроме того, учитываются методологические установки логической семантики (Г. Фреге), прагматического и коммуникативного подходов к рассмотрению фольклорного текста (К.В. Чистов, С.Б. Адоньева и др.), а также некоторые принципы концепции «конфликтующих структур» (В.А. Лефевр, Е.С. Новик, О.Б. Христофорова).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Провести четкую делимитацию между фольклорными и разовыми рассказами о сновидениях чрезвычайно сложно: граница между этими группами текстов подвижна, что обусловлено, прежде всего, высокой степенью их близости к сфере бытовой коммуникации.

2. Рассказы об иномирных сновидениях специфичны по ряду признаков, по которым разграничивается сказочная и несказочная проза (достоверность / недостоверность; пространственно-временная приуроченность; тип героя и др.).

3. Рассказам об иномирных снах свойствен ряд специфических структурно-семантических особенностей, проявляемых на уровне общей организации повествования (учитывается взаимодействие между акциями и реакциями центральных персонажей), а также – на мотивно-образном и прагматическом уровнях.

4. Текстами, наиболее близкими к иномирным сновидениям, являются нарративы об индивидуальном визионерском опыте (видения и обмирания). Названные группы текстов дифференцируются благодаря наличию или отсутствию определенных мотивов или их большей разработанности, а также – доминированию в общежанровой модели описания инобытия конкретной смысловой интенции (дидактической, информирующей, фатической и др.).

Апробация работы

Некоторые положения диссертации были представлены в докладах на: XIII научном семинаре Сибирского регионального вузовского центра по фольклору (27-29 октября 2004 г., г. Омск, ОмГПУ); всероссийской Весенней Школе по фольклористике «Фольклорный текст и обряд» (28 октября – 7 ноября 2005 г., г. Переславль-Залесский, РГГУ); международной Весенней Школе по фольклористике «Историческая память в фольклоре» (1-7 мая 2007 г., г. Переславль-Залесский, РГГУ); международной конференции «Сны и видения в славянской и еврейской культурной традиции» (14-16 декабря 2005, г. Москва, Институт славяноведения РАН); научных чтениях «Образ жизни и образ мыслей» (7 сентября 2005, г. Ульяновск, УлГПУ); всероссийской научно-практической конференции «Юдинские чтения» (22 декабря

2005 г., г. Курск, Курский госуниверситет); региональной научно-практической конференции «Актуальные проблемы языка, лингводидактики и межкультурной коммуникации» (12 мая 2006, г. Ульяновск, УлГУ); VII конгрессе этнографов и антропологов России (9-14 июля 2007 г.). Опубликовано 9 статей (общий объем – 4,3 а.л.), посвященных различным аспектам исследуемой в диссертации проблематики.

Теоретическая значимость диссертации заключается в расширении современных научных представлений о текстах, относящихся к группе «несказочной прозы». Аналитические материалы представленного исследования могут способствовать дальнейшей разработке различных подходов к изучению устных фольклорных нарративов.

Научно-практическая значимость исследования определяется возможностью применения его результатов в вузовских курсах и учебных пособиях. Кроме того, основная концепция данного исследования может быть использована при создании указателя типов визионерских текстов.

Структура работы:

Структура работы соответствует сформулированным целям и задачам. Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, заключения, списка информантов и использованной литературы. Библиографический список включает в себя 440 источников.

Содержание работы:

Во «**Введении**» обосновываются выбор темы и ее актуальность, определяются объект, предмет и материал исследования; формулируются научная новизна работы, положения выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость исследования. Кроме того, в этой части диссертации представлена общая характеристика изучения проблемы сна и сновидения в научном дискурсе, уточняются цели и задачи работы. Во «**Введении**» также дается предварительное определение термина «рассказы о сновидениях» и разграничиваются понятия «сон, сновидение» и «рассказ о сне».

В первой главе «История изучения сновидений в аспекте фольклористики» представлен обзор и анализ исследований XIX-XXI вв., посвященных рассмотрению

рассказов о сне и сновидческих примет в контексте восточнославянской традиционной культуры (работы А.В. Балова, Н.Я. Никифоровского, П.Г. Богатырева, Е.А. Ляцкого, С. Небжеговской, М.Л. Лурье, А.А. Панченко и др.). Особое внимание сосредоточено на анализе классификаций изучаемых текстов, предложенных различными исследователями.

Так, И.С. Веселова, Е.Ю. Живица и Н.Ю. Трушкина делят рассказы о сновидениях на «вещие» и «невещие» (рассказы о сбывшихся снах и рассказы о снах). Однако проведенный анализ показывает, что с помощью этого дихотомического деления достаточно сложно классифицировать большинство вербализуемых сновидений. Потенциально любой сон может быть воспринят как «вещий». Но необходимо иметь в виду, что существуют тексты, пуант которых состоит не столько в соотношении «образ сновидения – сбывшееся событие реальности», сколько в рассказе о самом сне – его образах-мотивах, сюжете, персонажах и т.д. Для таких рассказов оппозиция «сбывшийся / несбывшийся» сон не всегда релевантна.

К этим текстам можно отнести, например, ряд сновидений, в основе сюжета которых – иномирные мотивы видения умерших, просящих о чем-либо живых, показывающих сновидцу «тот» свет и т.п. В данных рассказах в части, описывающей соотносимую со сновидением ситуацию реальности, может упоминаться не сбывшееся событие (хотя оно, конечно, не исключается), а, например, ликвидация определенного нарушения, на которое во сне указал иномирный персонаж. В каждом конкретном случае многое зависит от функционально-контекстных связей рассказа с конкретной коммуникативной ситуацией, а также – от отношения рассказчика / слушателя к тексту о сне.

Рассматривая соотношение нарративов об иномирных снах и близких к ним по сюжету быличек / бывальщин, исследователи (Ж.В. Кормина, С.В. Штырков, С.М. Толстая, И.А. Разумова) предполагают, что доминирование того или иного из названных жанров может быть связано с определенной региональной традицией или с конкретным обрядовым актом.

В рамках данной главы указывается также на близость основного объекта данного исследования – рассказов об иномирных снах – с другими визионерскими

текстами (обмираниями и видениями). Особое значение здесь имеют работы С.М. и Н.И. Толстых, в которых данные тексты анализируются на структурно-семантическом и мотивно-образном уровнях, – с указанием на ряд важных отличий иномирных сновидений от остальных визионерских жанров.

Во второй главе «Фольклорные и нефольклорные сны: критерии разграничения» рассматриваются дифференциальные критерии, позволяющие разграничить сны, которые *вообще* рассказываются, и сновидения, которые можно отнести к фольклору.

Данная дифференциация условна, однако она способствует более точному определению *объекта и предмета* исследования.

В § 1 «**Общие вопросы дифференциации...**», основываясь на некоторых идеях К.В. Чистова и классификации, предложенной Ю.В. Рождественским, рассказы о снах разграничиваются в соответствии с общим делением устной речи на три семиотических типа текстов: разовые тексты, тексты-молва и фольклор.

Указанное разграничение важно не само по себе, а возможностью выявить в исследуемых нарративах конкретные признаки, позволяющие дифференцировать данные тексты (по шкале: фольклорность / нефольклорность) и показать потенциальный переход из одного типа в другой.

Наиболее релевантными для определения преимущественно фольклорных рассказов о снах являются такие показатели, как *интенция на традицию, вариативность, прагматика, инклюзивность*.

В реальном бытовании многие из рассказов о сновидениях пребывают как бы на пересечении выделенных семиотических типов (разовые тексты и тексты-молва, как и фольклор, в определенной степени также ориентированы на традицию, в частности, речевую, в некоторой мере – инклюзивны и т.д.).

Именно об этом свидетельствует рассмотрение текстов, представленных в § 2 «**Проблемы дифференциации рассказов о снах (от разового текста – к фольклорному)**». Анализ рассказов, записанных в процессе включенного наблюдения, обнаруживает ряд трансформаций, происходящих с текстом при пересказе сновидения *до* соотнесения со сбывшимся событием и *после* него. Важность этого описания

обусловлена тем, что подобные трансформации нередко сигнализируют о возможной фольклоризации рассказа о сновидении, т.е. о его переходе из одного семиотического типа в другой. Проведенный анализ позволяет утверждать, что при переходе рассказа с «предвещей» стадии в статус сбывшегося сна происходит сложное сопряжение в единый текстовый организм пересказа самого сна, его предварительной интерпретации (модели, главный нерв которой – ожидание определенных событий) и описания соотносимого событийного контекста реальности. В результате продуцируется новый текст, который, по всей видимости, нельзя рассматривать как вариант того же рассказа, записанного от одного информанта. Этот новый рассказ имеет совершенно другой статус и иные функциональные и контекстные связи со «сферой общественного бытия» (Б.Н. Путилов).

Таким образом, текст приобретает статус неразового – с возможной эволюцией в семиотические типы молвы и фольклора. Описанная модель возможного перехода разового текста в фольклорный имеет схематический характер. Текст, относящийся к молве, не становится фольклорным, если он жестко связан с конкретной преходящей ситуацией или значим для небольшой группы индивидов, объединение которых носит временный характер и т.д.

Одним из итогов анализа, представленного во второй главе, является предположение о том, что рассказы о снах *вообще* являются одним из продуктивных речевых жанров. Знание того, как рассказывать сон, как маркировать его начало и окончание, в каком контексте его употреблять и т.д., приобретает не специально, а усваивается так же естественно, как многие первичные речевые жанры (в смысле М.М. Бахтина). Такое предположение, в принципе, снимает остроту оппозиции разовый / фольклорный рассказ о сне, не отрицая тех дифференциальных признаков, по которым данные группы текстов можно разграничить, – с учетом существования текстов переходного типа (текстов-молвы).

Третья глава «Жанровые особенности рассказов о снах (в контексте фольклорной прозы)» состоит из пяти параграфов. В §§ 1-3 нарративы о снах анализируются в соответствии с основными жанровыми критериями, по которым выделяются и дифференцируются сказка и нескладочная проза.

В отношении одного из центральных критериев, по которому осуществляется указанное разграничение, – достоверность / недостоверность – был сделан вывод о нерелевантности (resp. парадоксальности) его применения по отношению к исследуемым текстам. С одной стороны, в большинстве случаев нельзя говорить о том, что рассказывающий сон расценивает его как ситуацию, произошедшую в реальности. Напротив, сон часто «противопоставляется не-сну, яви, повседневной, обычной жизни» (Н.И. Толстой). С другой – считать, что нарратив о сновидении передается с установкой на недостоверность, также вряд ли справедливо. Наоборот: «Человек рассказывает сон <...>, как если бы он правдиво припоминал события, свидетелем которых оказался» (Н. Малкольм). Характерно в этом отношении указание Л. Виртанен на то, что люди пишут о своих сновидениях в письмах точно так же, как и о любых других новостях.

Анализ рассказов о снах, представленный в реферируемой работе, позволяет утверждать, что дихотомия «было / не было» (реальность / нереальность, истина / не-истина и т.п.) оказывается для сновидений «тесноватой» и имеет тот общий для всех дихотомических делений недостаток, который проявляется в крайней неопределенности части с «не-». Есть необходимость в расширении данной оппозиции за счет прибавления минимум еще одного члена: например, реальность / ирреальность / нереальность. Как показывает рассмотрение текстов, записанных от информантов и сельской и городской культуры, такое расширение вполне адекватно оценке самих рассказчиков. Хорошо известно также (например, в лингвистике и логике), что ирреальные модальности не могут быть истинными или ложными, но они *возможны*.

С этим связан и важный вопрос о принадлежности рассказчика миру, о котором он повествует. Один из наиболее перспективных подходов в решении этого вопроса коррелирует с разработками в теории так называемых «возможных миров» (работы С.А. Крипке, Я. Хинтикки, Д. Льюиза, В.П. Руднева и др.). Основываясь на некоторых положениях упомянутой теории, можно разграничивать достоверность рассказчика (А) и достоверность слушателя (В). В том случае, если $A=B$, повествователь и аудитория пребывают в едином «перцептуальном пространстве-времени»¹

¹ Данный термин Р.А. Зобов и А.М. Мостепаненко используют применительно к общему рассмот-

(или – одном множестве возможных миров). Если $A \neq B$, то их «перцептуальная сфера» не совпадает, – при возможной близости концептуального и, естественно, реального пространства и времени.

Такой подход применим ко всей несказочной прозе (в возможном мире рассказчика былички существуют домовые, черти и т.д.; рассказ о них достоверен в его перцептуальном времени-пространстве).

Сложности вызывает и такой жанровый критерий как пространственно-временная приуроченность, по которому рассказ о сне, с одной стороны, сближается со сказкой (в силу частой неопределенности данного показателя в пределах пересказа собственно сна), с другой – с быличкой / бывальщиной и *personal experience story* (по причине конкретности этой приуроченности в части рассказа, описывающей так или иначе соотносимые со сновидением события реальности).

По другим критериям (тип героя и этиологического финала, сакральность / не-сакральность и т.д.) рассказы о снах также занимают свою, достаточно специфическую, позицию.

Важно то, что, в отличие от большинства остальных текстов фольклорной прозы, жанровая специфика которых может не осознаваться носителями (в том числе – и на уровне терминологии), рассказы о снах нередко жанрово маркированы для самих информантов.

Своеобразие рассказов о снах проявляется и на уровне взаимодействия акций / реакций основных персонажей текста. Анализ этого уровня (на конкретном материале текстов об иномирных сновидениях) посвящены §§ 4 и 5.

В рассказе о сне можно условно выделить две основные композиционные части: это пересказ собственно сна (данную часть мы обозначили как *текст 1* [T1]) и описание так или иначе соотносимых со сновидением событий реальности (*текст 2* [T2]). Это разграничение позволяет учитывать семантически и прагматически значимую оппозицию реальность / ирреальность (явь / сон и т.п.). В основном, в совре-

рению произведения искусства, существующего, согласно авторам статьи, в трех сферах: реальном, концептуального и перцептуального времени-пространства. Образы сна они относят к последней – см.: Зобов Р.А., Мостепаненко А.М. О типологии пространственно-временных отношений в сфере искусства // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1974. С. 14-15.

менной культуре данная оппозиция значима как для рассказчика, так и для его аудитории.

Введение указанного разграничения оправдано и тем, что для каждой из указанных частей характерен свой блок повторяющихся мотивов. Часть Т2 представляет собой своеобразную рамку, маркирующую начало и окончание рассказа о сновидении, которые обычно выделяют данный рассказ из общего потока речи. Исходя из этого можно говорить о делимитирующей и текстообразующей функции части Т2.

Проведенный анализ показал, что основой сюжета большинства иномирных сновидений является акция инобытийного персонажа, с которой взаимодействуют все остальные акции / реакции текста. Мы назвали это действие «центральной акцией» (ЦА). Ее описание (в пределах части Т1) обычно является главной причиной вербализации сна.

Дифференциация наиболее распространенных типов центральных акций позволяет классифицировать и тексты сновидений, в которых данные акции реализуются.

Предложенная в диссертации типология ЦА исследуемых текстов определяется:

- целью акции иномирного персонажа;
- пониманием цели указанной акции (с позиций персонажа-сновидца и персонажа инобытия).

Первый критерий показывает зависимость действия от результата, на который оно направлено. В соответствии с этим в анализируемых рассказах выделяются такие центральные акции, как *информирование, приобщение, указание на нарушение* и др.

Второй критерий позволяет определить способ реализации центральной акции в тексте (имплицитный / эксплицитный). Цель действия иномирного персонажа не всегда сразу становится понятна сновидцу (в пределах описания собственно сна, т.е. в Т1). В достаточно большой части рассказов об иномирных сновидениях для того, чтобы полностью «осознать» цель центральной акции (т.е. *понять* данную цель с позиции того или иного персонажа; термин В.А. Лефевра), сновидцу и/или рассказ-

чику сна необходимо соотнести данное действие с определенными событиями реальности, т.е. с частью Т2. В результате происходит, так сказать, дешифровка общего смысла акции представителя инобытия.

ЦА, нуждающиеся в такой дешифровке, являются *имплицитными*. Центральные акции, для понимания цели которых нет необходимости соотносить их с событиями или акциями / реакциями сновидца и его окружения (описываемыми, прежде всего, в части Т2), относятся к *эксплицитным*.

В соответствии с этим наиболее распространенные – в пределах известного нам материала – центральные акции представителей иного мира (ИМ) можно дифференцировать следующим образом:

<i>эксплицитные акции</i>	<i>имплицитные акции</i>
информирование	приобщение
эксплицитное указание на нарушение	имплицитное указание на нарушение
эксплицитные символические акции	имплицитные символические акции
эксплицитные акции предупреждения	имплицитные акции предупреждения

В § 5 «Основные центральные акции рассказов об иномирных сновидениях» подробно анализируется каждая из восьми указанных в таблице ЦА. В соответствии с доминированием в тексте той или иной центральной акции дифференцируются и сами рассказы о снах.

Подпараграф 5.1 посвящен рассмотрению акций *информирования* / *приобщения*. Разграничение и конкретизация этих ЦА связаны с выделением особого блока акций, который мы обозначили как блок проводничества. К данному блоку относятся акции *перевода* в ИМ / *выпроявлявания* из ИМ и *показа* / *описания* ИМ, представляющие инобытие как локус с определенными признаками и характерными условиями существования его обитателей.

Акции блока проводничества, не осложненные другими дополнительными коннотациями, относятся к ЦА информирования. Основная сложность выделения акций информирования в том, что фактически любая акция, о которой рассказывается в иномирном сне, так или иначе *информирует* об инобытии (его законах, пра-

вилах контакта и т.п.). Однако только у типичных акций блока проводничества, не осложненных другими акциями / реакциями и событиями-коррелятами, информирование является главной целью, своеобразной внутренней формой действия.

В качестве примера рассказа об иномирном сне, в котором представлены типичные акции блока проводничества (с доминирующей целью информирования), можно привести следующий текст:

«[Знакомой информантки является во сне умершая сестра] и говорит: “Хочешь, я тебе покажу, где я сейчас нахожусь?” – и, значит, она <сновидица, знакомая информантки – Е.С.> видит яркую Луну, лунную дорожку, и вот по этой, видно, дорожке она <умершая сестра – Е.С.> ведет ее за руку [**←акция перевода в ИМ**]. <...>

Она <сновидица> оказалась на Луне... И там видит, – и вот она, значит, наблюдает, что там ходят все в белых светлых одеждах... [**←акция показа ИМ**].

Потом... там двери стали закрываться, и сестра говорит: “Ну, все пора, быстрее, – говорит, – пора возвращаться, тебе здесь нельзя оставаться!” <...>. И, чтобы успеть, она <умершая сестра – Е.С.> ее толкнула [**←акция выпроваживания из ИМ**]. И когда она утром встала с кровати, она увидела, что на теле у нее синяки, то есть остались синяки от того, ну, от того толчка, когда сестра ее толкнула [**←часть Т2**].»

Общий смысл ЦА приведенного примера – информирование об ином мире, представленное как показ инобытия. Не случайно, что часть Т2 (описание соотносимых со сновидением событий реальности) в данном тексте почти редуцирована, играет вспомогательную роль: пуант текста состоит здесь не в соотнесении с реальностью, а в пересказе самого сна (мотив оставления следа контакта с инобытием – «синяков» – выполняет здесь функцию усиления достоверности сообщения).

В противоположность этому в рассказах о снах с центральной акцией *приобщения* общий смысл непосредственно связан с корреляцией частей Т1 и Т2. Более того, цель ЦА приобщения может быть понята только при условии соотнесения указанных частей.

Акции приобщения к инобытию могут конкретизироваться через различные действия-мотивы: помимо типичного увода визионера в ИМ, иномирные персонажи могут, например, «заколачивать сновидца в гроб», «увозить на коне», «тащить в пропасть» и т.д. В любом случае их общий смысл связан с переменной (попыткой перемены) бытийного статуса приобщаемого.

Вместе с тем (и это важно), акции приобщения нередко реализуются на основе тех же акций / реакций, которые выше мы отнесли к блоку проводничества – например, перевода в ИМ, показа ИМ. Типичные события-корреляты рассказов с ЦА приобщения – смерть (угроза смерти) сновидца или его окружения (эти события обычно описываются в части T2).

Таким образом, рассказы о снах, в которых акции блока проводничества реализуются, так сказать, в «чистом» виде, следует отграничивать от текстов, где эти акции амплифицируются рядом дополнительных акций / реакций и событий-коррелятов, связанных с приобщением к иному миру (ср.: перевод в ИМ с целью информирования и перевод в инобытие с целью приобщения).

Необходимость соотнесения с событиями реальности в одном случае и отсутствие этой необходимости в другом позволяет говорить об имплицитном (для ЦА приобщения) и эксплицитном (для ЦА информирования) характере рассмотренных акций.

В подпараграфе 5.2 рассматривается следующая пара центральных акций – имплицитное и эксплицитное указание на нарушение.

Нарушение определенного правила – одна из самых распространенных мотиваций контакта между представителями иного и нашего миров. Аксию нарушения в рассказах о снах обычно совершает сновидец или его окружение. Указание на нарушение является ответной акцией (собственно – ЦА текста) персонажа иного мира и может иметь либо имплицитный, либо эксплицитный характер. Последнее зависит от характера понимания цели центральной акции с позиции персонажа-сновидца.

Вот пример текста с имплицитной центральной акцией:

«[Информантка тоскует по умершей внучке; видит ее во сне стоящей по колени в реке] Пошла к ней, она <умершая внучка – Е.С.> и говорит: “Вот пощупай-ка, пощупай вот это место, больше уже, – говорит, – некуда!..”. А у ней там <на ногах> как рубец: вот стоит вода-то, настаивается, – и вот это место прямо как будто.... Я вот как просну-у-сь, аж напугалась: “Я вижу её, – сама себе говорю, – я вижу её в сляках утопила!..”».

В приведенном примере ответная акция иномирного персонажа имеет не прямой, опосредованный характер. Можно сказать, что нарушение в разных частях текста (T1 и T2) не совпадает само с собой: сновидцу сообщается об известном ему со-

бытии (нарушении), но при этом само событие подвергается своеобразной иномирной аберрации (требуется дешифровка). Подобная аберрация в таких текстах организуется по следующему правилу: нарушение с позиции нашего мира считается нарушением с позиции инобытия (ср.: излишняя тоска по умершему считается утоплением в реке). Данный тип правил Дж. Серль относит к конститутивным, т.е. указанное правило *устанавливается* в результате происходимо-го во сне контакта с персонажем иного мира (общая формула конститутивных правил, предложенная Дж. Серлем, такова: «X считается Y-ом»). Наиболее распространенным итогом центральной акции указания на нарушение является описание в части T2 ликвидации самого нарушения либо его последствий (что совершается сновидцем или его окружением).

В противоположность этому эксплицитные акции указания на нарушение не требуют для понимания их цели какой-либо дешифровки.

Например: «[Информантка не смогла приехать на похороны своей бабушки] <...> Мне в ночь, вот в эту же, снится сон, как будто она ходит привидением по дому и говорит мне: “Ир, я умерла, а ты ко мне не приехала”...».

В этом рассказе ЦА представляет собой в полном смысле реакцию – прямой ответ на провоцирующее воздействие. Сообщение о нарушении в подобных текстах не подвергается упомянутой аберрации и нередко не требует какого-либо конкретного действия по ликвидации нарушения (как в приведенном выше тексте, в котором указание на нарушение сводится к укору).

В **подпараграфе 5.3** рассматриваются другие две пары центральных акций – символические ЦА и акции предупреждения. Принципы анализа данных ЦА совпадают с описанными выше.

Следует отметить, что в 3-ей главе исследования названы и проанализированы не все, но важнейшие для текстов данного жанра центральные акции (и соотносимые с ними зависимые акции / реакции), составляющие основу имманентной для снов организации повествования.

Четвертая – заключительная – **глава «Жанровая специфика рассказов об индивидуальном визионерском опыте»** посвящена сопоставительному анализу рассказов об иномирных снах и других визионерских жанров – обмираний и видений.

Необходимость этого сопоставления обусловлена тесной близостью данных рассказов. Дифференциация указанных групп текстов способствовала более целостному представлению основных жанровых особенностей рассказов об иномирных сновидениях. Особое внимание при сопоставлении с текстами визионерских жанров сосредоточено на анализе образно-мотивного уровня исследуемых текстов, что позволило учесть детали, которыми можно было пренебречь при рассмотрении уровня взаимодействия акций / реакций основных персонажей текста.

Сопоставляемые тексты есть тексты *инобытийные*. Их рассмотрение на уровне образно-мотивном предполагает в первую очередь анализ того, как в этих рассказах манифестируется инобытие.

В рассматриваемых группах рассказов можно условно выделить показ / описание картин хорошего (**хрИМ**) и плохого (**плИМ**) миров. Иногда оба мира описываются в пределах одного рассказа. Заметим, что дуальная классификация миров не охватывает все возможные способы манифестации инобытия – как в рассказах об иномирных сновидениях, так и в обмираниях / видениях. Существуют переходные и нейтральные по отношению к дуальной типологии миров способы описания иного мира.

Несмотря на многоуровневые и сложные связи между образами-мотивами хрИМ и плИМ, которые наблюдаются в текстах сопоставляемых жанров, в каждой из групп текстов эти образы выстраиваются в соответствии со спецификой определенной жанровой модели и соотносительностью с устной и/или религиозно-книжной культурами.

В рассказах о снах хрИМ и плИМ – это прежде всего описание / показ места, в котором пребывает персонаж инобытия. Маркированность определенного локуса теми или иными характерными признаками далеко не всегда соотносится в снах с идеями загробного воздаяния. В этих текстах более актуальны идеи взаимозависимости иного и нашего миров, возможности изменить и повлиять на условия экзистенции друг друга. В связи с этим дидактизм рассказов о снах (особенно с центральной акцией информирования) носит ослабленный характер: часто это контакт ради контакта.

Для большинства обмираний и видений (особенно – ориентированных на рукописно-книжную традицию) характерно присутствие мотивов, так или иначе связанных с принципом загробного воздаяния. Это является главной причиной подробной разработки описания плохого ИМ и перечня наказаний, образующего пуант данных рассказов (экспликация плИМ почти всегда более подробна, нежели описание хорошего инобытия).

Для визионера нередко важно даже не столько то, что он увидел в ином мире (хотя, конечно, не всегда так), сколько то, что за этим стоит. Его цель – узнать причину (нарушение), чтобы избежать следствия (наказания), – в этом основной смысл вопросно-ответной организации обмираний / видений (визионер спрашивает о причинах увиденного – персонаж-проводник отвечает).

Тексты сопоставляемых жанров дифференцируются благодаря наличию / отсутствию определенных мотивов или их большей разработанности, а также – доминированию в общежанровой модели описания / показа инобытия той или иной смысловой интенции.

Так, рукописно-книжные видения / обмирания, в отличие от устных обмираний и рассказов об иномирных снах, могут обладать сложной «многовершинной» (термин Б.И. Ярхо) структурой, детерминированной, в частности, воздействием религиозно-книжной культуры. Некоторые мотивы указанных текстов, в основном, характерны именно для письменной традиции обмираний / видений: например, подробно разработанные образы-мотивы этимасии (небесного престола), Иерусалима, Страшного Суда, иерархически организованных (иногда – по шкале «постоянный / временный») райских и адовых обителей, описание мытарств, прения за душу визионера и др.

Устные обмирания чаще всего эксплицируют картины двух миров – с заметным акцентом на образе-мотиве плохого ИМ.

В свою очередь, рассказы об иномирных сновидениях моделируют образ инобытия благодаря достаточно ограниченному набору мотивов, в котором хрИМ и плИМ манифестируются в терминах простейших оппозиций: светлый / темный, красочный / серый (сумрачный), уютный / дискомфортный, просторный / замкнутый,

сад / яма (пещера) и т.п.

В качестве своеобразного маркера, позволяющего рассказчику-сновидцу и его аудитории опознавать описания хрИМ и плИМ, нередко выступает *растительный код*.

Хороший мир описывается как пейзаж, главные составляющие которого – образы растений (травы, цветов, деревьев и т.п.), солнечный свет, яркие краски и т.п. Соответственно, плИМ описывается либо как локус, лишенный растительности, либо как место, где произрастают растения, обычно связанные с негативными коннотациями (распространены, например, описания тины, соотносящиеся с известными славянскими представлениями об аде как топи, болоте).

При обращении к проблеме возможной экзегезы рассмотренных в диссертации моделей описания иного мира очевидной является апелляция к культурным концептам рая / ада, обусловленным, прежде всего, фольклорно-мифологической и религиозной традициями. Увиденные картины инобытия далеко не всегда воспринимаются рассказчиками именно в терминах указанной культурной оппозиции. В некоторых текстах (например, в части устных обмираний / видений и рассказах о снах) инобытие может описываться как мир, в целом совпадающий с миром живых.

В конкретных рассказах обозначенные выше интенции могут редуцироваться и / или соприсутствовать: встречаются переходные случаи, свидетельствующие о тесной близости сопоставляемых текстов.

В завершающей части 4-й главы рассматривается важный вопрос *актуализации dream-telling*, т.е. анализируются те потенциальные ситуации, в которых может быть воспроизведен тот или иной тип рассказа о сновидении. Такой подход сопрягает полученные результаты предыдущего анализа с рассмотрением коммуникативного, традиционно-культурного и событийного контекстов. В данной части описывается конкретная ритуальная ситуация, связанная с первыми поминками (происходящими обычно сразу после похорон).

Анализ рассказов о снах (записанных с использованием метода включенного наблюдения во время поминок в разных селах Ульяновской области) показал, что в упомянутой ситуации нарративы о снах продуцируются совместно с текстами, кото-

рые мы предложили называть «биографическими поминальными нарративами». Как следует из представленного описания, dream-telling является неотъемлемой частью вербального сопровождения похоронно-поминального комплекса – наряду с духовными стихами, причитаниями, быличками etc.

В «**Заключении**» формулируются основные выводы работы:

1. Рассказы о снах по критериям, на основе которых исследователи дифференцируют прозаические фольклорные жанры, занимают свою, достаточно специфическую, нишу. Их отличие, однако, в большинстве случаев имеет не позитивный (т.е. подразумевающий наличие ряда характерных признаков), а – в какой-то степени – *неопределенный* смысл: отдельные жанровые критерии, применяемые к фольклорной прозе, для этих текстов вообще не релевантны (например, критерий *достоверность / недостоверность*). Подобная специфика не является особенностью только анализируемых рассказов, а, скорее, сигнализирует о сложности и неоднозначности тех критериев, на основе которых континуум слабо поддающихся дифференциации текстов фольклорной прозы делится на определенное (исчислимое) количество жанров и жанровых образований.

2. Важным критерием, позволяющим достаточно четко отграничить рассказы об иномирных снах от остальных прозаических фольклорных жанров, является характерная для анализируемых текстов *организация повествования*, формирующаяся на основе соотнесенности двух значимых (в логико- и структурно-семантическом смысле) композиционных частей – T1 и T2. Выделение этих частей в целом соответствует культурно и прагматически значимой оппозиции реальность / ирреальность («явь / сон» и т.п.).

3. Основу нарративного фонда фольклорных рассказов о сновидениях составляют иномирные сны. Рассмотрение логико-семантических особенностей этих текстов (уровень акций / реакций) позволило существенно уточнить специфику упомянутой организации повествования. Корреляция частей T1 и T2 в текстах об иномирных сновидениях реализуется через сложные взаимоотношения между акциями и реакциями двух основных персонажей – представителей иного и нашего миров. Значим также характер понимания цели центральной акции иномирного персонажа

с позиции персонажа-сновидца. В зависимости от этого центральные акции разграничиваются на имплицитные и эксплицитные.

4. Многие черты описанной выше организации повествования свойственны и рассказам о так называемом визионерском опыте (обмираниям / видениям). Во всех рассмотренных визионерских жанрах в основе сюжета – *контакт* (в широком смысле) с иным миром. Однако в каждом жанре этот контакт реализуется по-разному – и структурно и содержательно.

Сновидения имеют огромное культурное и психологическое значение, поскольку благодаря им формируется «осязаемое» представление об иной реальности, другом опыте, другом возможном мире, о котором можно рассказать, не беря на себя ответственность за достоверность сообщаемого.

Рассказы об иномирных сновидениях наиболее эксплицитно реализуют данную тенденцию, оформляя ее в типичную для указанных текстов модель повествования.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Работа, опубликованная в ведущем рецензируемом журнале, утвержденном ВАК:

1. Сафронов Е.В. Чудесное в сновидениях // Традиционная культура: Научный альманах. М.: ГРЦРФ, 2008. №2. С. 101-106 (0,6 а.л.).

Публикации в других изданиях:

2. Сафронов Е.В. «Вещное» сновидение и «сбывшееся» событие: механизмы соотнесения // Народная культура Сибири: Материалы XIII научного семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т.Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004. С. 220-224 (0,4 а.л.).

3. Сафронов Е.В. «Иной мир» в рассказах о сновидениях и представлениях, связанных с похоронно-поминальной обрядностью русских // Сны и видения в славянской и еврейской культурной традиции: Сб. ст. / Отв. ред. О.В. Белова. М.: «Сэфер», Ин-т славяноведения РАН, 2006. С. 115-130 (0,9 а.л.).

4. Сафронов Е.В. Мотив «неродившегося» ребенка в рассказах о снах // Фольклор в контексте современной культуры: Юдинские чтения-2005: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курск, 22 декабря 2005 г.) / Отв. ред. С.В. Супряга. Курск: Изд-во Курского государственного университета, 2006. С. 140-143 (0,2 а.л.).

5. Сафронов Е.В. О достоверности сна // Вестник УлГПУ / Гл. ред. Л.Л. Каталимов. Ульяновск: Изд-во УлГТУ, 2006. С. 126-131 (0,6 а.л.).

6. Сафронов Е.В. Образ «иного мира» в современных рассказах о сновидениях // Образ жизни и образ мыслей: материалы научных чтений (7 сентября 2005). / Рук. проекта Г.И. Фионова. Ульяновск: «Симбирская книга», 2005. С. 35-42 (0,4 а.л.).

7. Сафронов Е.В. Рассказы о сновидениях: критерии фольклорности / нефольклорности // Культура & общество [Электронный ресурс]: Интернет-журнал МГУКИ / Моск. гос. ун-т культуры и искусств – Электрон. журн. – М.: МГУКИ, 2006. – № гос. регистрации 0420600016. – Режим доступа: <http://www.e-culture.ru/Articles/2006/Safronov.pdf>, свободный – Загл. с экрана. (0,9 а.л.).

8. Сафронов Е.В. Растительный код в современных рассказах о снах [тезисы] // VII конгресс этнографов и антропологов России: докл. и выступления / Редкол. В.А. Тишков и др. Саранск, 2007. С. 511 (0,01 а.л.)

9. Сафронов Е.В. Умершие как персонажи современных рассказов о снах // Живая старина: Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. М: ГРЦРФ, 2006. № 2. С. 29-30 (0,3 а.л.).